

Капралов старший

Ветерану Великой Отечественной войны Николаю Логиновичу Капралову в этом году исполняется 90 лет. Несмотря на столь почтенный возраст, Николай Логинович обладает юношески пытливым рациональным и ясным умом и великолепной памятью. Скажу больше это живая история Куземкинского сельского поселения. Где, в каком году, что было построено, какие люди жили в этих местах, что осталось после войны и как все это снова восстанавливалось, ветеран помнит хорошо.

На рубеже с буржуазной Эстонией

Выглядит Николай Логинович ещё крепко, хотя могу предположить, что на непогоду старые раны дают о себе знать и собеседник он интересный.

- Экая штукавина,- рассматривает диктофон Николай Логинович,- небось и через карман пишет?

- Пишет?

- Хм, а куда, пленки не видно?

- Теперь без пленки, цифровые технологии...

- Интересно, как. Да, в наше бы время нынешнюю технику, а то ведь все на своем горбу, своими руками, строили, пахали, доили.

Сегодня, приезжая в Большое Куземкино, трудно поверить, что в 30-е годы прошлого столетия в этих местах проходила граница с Эстонией. Она была метрах в четырехстах от деревни Ропша. Здесь дислоцировались не только пограничные части Красной Армии. Саперные батальоны строят вдоль границы долговременные огневые точки. Особняком располагаются кавалерийские части. На большой поляне невдалеке идут постоянные тренировки кавалеристов по владению оружием, по управлению конем в бою. Вначале 30-х Советское государство, видимо, желая продемонстрировать, что крепнет, становится на ноги - организывает здесь совхоз. Начинается активное строительство, скотные дворы, кузница, конюшни и дома для крестьян.

- Я так понимаю, что задача была показать, насколько в социалистическом государстве люди живут лучше, чем рядышком в капиталистическом,- рассуждает Николай Логинович, кстати еще и председатель Куземкинского сельсовета с 1966 по 1982 год. – Поэтому государство помогало очень много. Совхоз «Ударник» начинался с мызы, где жил латыш Генрих Шпенгель. Сам он после революции - уехал, но там еще оставалось несколько человек. Видимо жила прислуга и один из его родственников, Иван Шпенгель. Не знаю, кем он доводился хозяину, но вскоре после его отъезда попал под репрессии и больше его не видели. Местного населения здесь было не много. В Ропше около ста человек, в Мундировке не больше десятка. Поэтому, по призыву коммунистической партии, люди сюда переселялись семьями из Курской, Смоленской, Ярославской областей. Представьте, сколько денег было выделено, если за два года по тем временам в Ударнике были построены: четыре колхозных дома для людей, столярный цех, кузница, скотный двор на 400 голов, две больших конюшни, мастерские по изготовлению конной амуниции, то есть седла, сбруи, шоры. Но коней выращивали преимущественно верховых, для 1-й конной армии Семена Михайловича Буденного. Были два племенных жеребца, вороной и белый, громадные злые, глаза красные. Подпускали к себе только нашего конюха Гарбузова, а кобылки были местные.

Потом пришел 1936 год. Почти все руководство колхоза было арестовано, начиная с председателя с исторической фамилией Гапон. Из 30 дворов в деревне за 1936-37 годы было арестовано 14 человек. Вернулся только один бывший деревенский гармонист Кирилл Андреевич, и то пожил недолго, через месяц умер.

- Как мы потом узнали, у него внутри все органы были отбиты. Конечно, требовали показания или признания, а в чем ему было признаваться,- вздохнул Николай Логинович.- Моего отца Логина Яковлевича арестовали еще в 1933 году. Он был человеком грамотным, умным. Сначала работал писарем в волостной управе, как сейчас говорят секретарем, а потом ушел счетоводом в колхоз. А вообще он был прекрасным лодочным мастером. Лодки делал всей округе и рыболовецкой артели, которая здесь была. Дали отцу пять лет с правом переписки. И когда срок прошел, мы каждый вечер ходили его встречать к пристани. В те годы между Кингисеппом и Куземкино пароходик ходил «Бойкий». А потом от папы пришло письмо, что срок его пересмотрели и добавили еще пять лет. На самом деле это был приказ Сталина не выпускать из тюрем врагов народа. Так мы отца и не увидели. Из официальных инстанций пришло письмо, что Капралов Логин Яковлевич умер в 1944 году от сердечной недостаточности.

Мал, мала, меньше

В семье Капраловых было шестеро детей. Когда отца арестовали, младшей дочери Нине исполнилось всего три месяца. (Она закончила педагогический институт и посвятила себя учительскому труду, преподавала, была завучем Куземкинской школы.) Все заботы о хозяйстве и детях легли на плечи матери и старшей дочери Тамары, которая еще до войны окончила курсы счетоводов в Старой Руссе и трудилась в колхозе, счетоводом, бухгалтером, бригадиром животноводческой фермы. Домашней скотины держали много: овцы, свиньи, корова, а то иной год и две, куры, гуси. А главное, мал, мала, меньше, пятеро братьев и сестер в семье, на всех свари, настирай, заштопай, а рабочих рук только четыре. Потом грянула война, которая разбросала детей в разные стороны. Трагически сложилась судьба Михаила Капралова, младшего брата Николая Логиновича. Когда семью во время войны угоняли в Финляндию, от страха у ребенка развилась эпилепсия. Но война прошла, а болезнь осталась. И вот уже когда семья воссоединилась, осенью Михаил ушел на реку, на плот мыть картошку и не вернулся. Николай Логинович нашел утонувшего брата. Другой брат, старший Владимир прошел всю войну. Служил в разведке, после ранения был шофером, подвозил боеприпасы на передовую. После войны работал на Усть-Лужском рыбокомбинате. Своей семьей обзавелся. Сестра Лиля после войны отучилась в школе и с 16 лет пошла дояркой в колхоз, но потом получила среднее образование и приняла у старшей сестры Тамары магазин, где и проработала до самой пенсии.

- В нашей округе была начальная школа на другой стороне реки в Ропше, затем семилетка в Куземкино, а в Краколье уже заканчивали 10 классов,- рассказывает Николай Логинович.- После школы я решил поступить в Ленинградский институт, который готовил аэродромных инженеров. Подошел первый экзамен, меня вызывают в деканат и говорят: забирайте документы, вы не поступили. Тогда я не знал, что все из-за того, что мой отец был репрессирован. Вернулся домой, лишних рук в семье не бывает, тут еще трое младших. На работу я устроился в приемный пункт Усть-Лужского рыбокомбината в Гакково, учетчиком по приемке рыбы, где и проработал до самой войны.

- В армию, на срочную службу тоже не взяли. Объяснили, что негоден из-за плоскостопия,- усмехается Николай Логинович. – А я в бане посмотрю, ничего, никакого плоскостопия, ноги как ноги. Друзья поступают в военные училища, а меня не берут. Я куда только не писал, Калинин, Ворошилову - везде отказ. Настоящую причину я теперь знаю.

По правилам войны

С началом войны местные жители ходили на рытье окопов. Но потом началась эвакуация, поток беженцев одна подвода на три дома. Переселившиеся сюда из других регионов убежали первыми, потом уезжало коренное население. Кингисепп уже к этому времени был занят. Разумеется партийная директива не оставлять врагу ни грамма продовольствия была

выполнена. Пылали склады с зерном, сенные сараи, мастерские, дома. Скот и совхозный и личный угнали в Ленинград с первых дней войны. Добрались мы на подводах до заброшенного хутора Морозовка. От него одна рига осталась и там стали ждать эшелон. Подходят ко мне двое товарищей Петя Фадеев и Гриша Львов и говорят: ну что так и будем здесь сидеть? Надо рвать отсюда на фронт, отвечаю. В общем, мы знали, что в Усть-Луге находится подотдел военкомата. Пришли туда. В коридоре очередь все рвутся на фронт. Но моим приятелям отказали. Финнов на войну не брали. Пришла моя очередь. Офицер посмотрел паспорт и швырнул его в горящую печь к другим документам, которые уничтожали в этот момент. А мне выдали предписание явиться в Ораниенбаумский военкомат. Как добираться,- спрашиваю. Как хочешь,- говорит офицер. Я вернулся, попрощался, с родными и отправился на железнодорожную станцию Усть-Луга. Ребята тоже пошли со мной.

По дороге юношей подбирает попутная эмка, офицер помогает сесть на станции в воинский эшелон, вывозивший артиллерийские орудия с полуострова.

- Эшелон добрался до станции Котлы, где я впервые увидел, что такое бомбежка. Очень страшное было зрелище. Но станцию, немцы не бомбили. Видимо берегли для себя,- сделал паузу Николай Логинович.- Смотрю матросы, которые ехали с орудиями с платформ врассыпную к лесу, а я сижу и не понимаю зачем...

Но бойцами Красной Армии ребята стали только попав на распределительный пункт военкомата в Ленинграде. Николая Капралова зачислили в запасной полк связи, и началась учеба: азбука морзе, устройство рации, телефонные линии, стрелковое оружие. Частенько курсантов забирали на разбор завалов и разрушений от бомбежки. Ленинград уже был в блокаде.

- Если знаете, где в Ленинграде находятся «пять углов», то рядышком одно из зданий было госпиталем. Туда попала мощная бомба. Два дня мы вытаскивали из-под обломков тела погибших. Сначала даже боялись подходить. Спасти мало кого удалось.

Через месяц учебы Николай Логинович попадает на передовую: в 86 Стрелковую дивизию 95 Отдельный батальон связи. Первое впечатление – сытный завтрак, настоящая гречневая каша, первый боевой день – устройство землянки для своего подразделения. Жизнь регламентировалась правилами войны.

-Первое наше боевое задание было доставить на другой берег Дубровки аккумуляторы для радиостанции, - вспоминает Николай Логинович.- Затемно нас троих разбудил старшина. Показал тяжеленные аккумуляторы: десять шагов пронесешь или меняй руку или отдыхай. Мы дошли до седьмой переправы, старшина нам объяснил, куда и кому доставить аккумуляторы посадил в лодку и оттолкнул. Вот двое гребут изо всех сил - третий воду вычерпывает. Лодка сделана наспех, вода из всех щелей, весла неудобные, тяжелые. А возле противоположного берега уже крепкая ледяная корка. Мы спрыгнули в воду, забрали груз, выбрались на берег. И тут минометный обстрел начался. Я добежал до воронки, упал в нее, а фашист лупит, мина за миной. В такие моменты и счет времени теряешь. Когда стихло я начал товарищей искать. Нет никого. Дошел до командного пункта, как старшина говорил: много проводов тянется в землянку, доложил комиссару. Вскоре второй появился. Притащили мы эти аккумуляторы. А третий только через месяц объявился. Все прятался на берегу, как дезертир. Таких много было. Дезертиров, сразу на передовую отправляли. Либо расстрел по закону военного времени. Прорыв блокады стал еще одной памятной вехой военной биографии Николая Логиновича. Их дивизия должна была взять Шлиссельбург. 12 января в десять часов началась артподготовка. Короткая была, снарядов мало. На город шли почти в лоб. Первыми в дело вступили штрафники. Весь батальон лег на полпути. Пошел следующий. Только два человека перебежали Неву: медсестра и младший лейтенант. Он в окоп уже прыгнул и как раз навстречу

пуле. На полтора километра правее другая дивизия прорвалась, за нею пошла 86, прошла удачно. Навстречу наступал Волховский фронт, и Шлиссельбург был взят почти без боя.

Под мирным небом на родной земле

О каждом своем бое, о каждой медали Николай Логинович может рассказывать долго и подробно. Войну он закончил в Венгрии. После госпиталя служил еще почти полтора года, но хотелось домой. Хотя, что с домом, что с родными он не знал. Шел декабрь 1946 года. Мать и сестер разыскал на Валдае, куда их вывезли после финской неволи. Возвращаться в родные места можно было только тем семьям, где кто-то воевал с фашистами. Для этого необходимо было по месту пребывания родственников выслать справку, что ты воевал в такой-то части. Сколько этих справок были разосланы в те годы в Псковскую, Новгородскую, Вологодскую, Смоленскую и Ярославскую области. А сколько справок даже не были написаны в виду гибели возможного отправителя.

- Спасибо комбату,- рассказывает Николай Логинович,- он сразу сказал: зачем тебе справка, езжай сам. Выдал командировочное предписание, и я поехал. Нашел маму и сестер в каком-то сарае, без пола, окон. Брат Миша и сестра Лиля работали в Эстонии пастухами, старшая сестра устроилась в Заготзерно, были такие конторы. Договорились, что сначала я поеду в Куземкино посмотрю, что с домом. Деревня была пройдена огнем и взрывной волной. К тому времени вернулся только двоюродный брат с семьей. Побывал у него, посмотрел на наш разрушенный дом. Все надо было начинать с нуля. Написал я матери обо всем, но она решила ехать. Наша семья стала второй, вернувшейся в родные места.

Люди постепенно возвращались на родные пепелища воссоздавать разрушенное. Николай Логинович стал бригадиром плотницкой бригады. Снова строили дома, скотные дворы, склады снова начинали пахать землю, ловить рыбу.

- Вместе с совхозом «Ударник-Ропша» у нас еще был и колхоз. Назывался он «Верный путь». Но люди между собой называли его скверный путь. В совхозе работали за деньги, а в колхозе за трудодни. И люди потихоньку из колхоза и поуходили пока он совсем не развалился. Два председателя постоянно ругались: ты зачем у меня людей переманиваешь! Да они сами от тебя уходят! В общем, колхозные земли совхоз себе потом и присоединил. Колхоз возник уже после войны. Склады еще не были готовы, а зерно привозили вагонами, высыпали прямо на землю, зерно, комбикорма... А потом это всё нужно было укрывать, охранять, перевозить в склады, которые были готовы. Особенно торопили со скотными дворами.

Но особо подгонять людей не было необходимости, это было общее желание быстрее подняться из разрухи. Каждый хотел жить лучше, растить детей под мирным небом. Кстати зерновые на землях «Ударника...» были великолепные. По воспоминаниям Николая Логиновича после войны больше сеяли овес и ячмень. Хотя до войны в этих местах и рожь вытягивалась в рост человека, и пшеница вырастала добротная, колос был большой крепкий. Наверное потому, сто удобряли не навозом, а тину привозили с морского берега. Не обошла стороной и кукурузная эпопея.

- Первый год кукуруза вымахала огромная. Председатель, помню, на коне по краю поля едет. Коня не видно. Только человек от пояса над полем начинается. На второй год была похуже. Но початки до молочной спелости вызрели. А на третий год не уродилась совсем,- махнул рукой Николай Логинович.- Да разве кому докажешь, все рано заставляли её сеять, растить. Не на то силы тратили.

Самое главное в моей работе было состояние дел в совхозе

1966 год стал для моего собеседника знаковым. Односельчане выбирают его главой Куземкинского сельсовета. Что с этим делать Николай Логинович еще не знает, но уверен, что

разберется. Выборы как полагается: кабинки для голосования в клубе, урна, бюллетени. Только вот кандидат один.

- Приезжает из районного исполнительного комитета Василий Степанович Смирнов. Нашел меня, говорит: Николай Логинович, дело есть. Вот так и так, рекомендовали тебя в райисполкоме на такую работу. Ты человек партийный, воевал, уважением у односельчан пользуешься тебе и председателем сельсовета быть. Я спрашиваю, а что за работа такая? Да не волнуйся, говорит Василий Степанович, мы тебе все объясним, научим, поможем. Я и согласился. В день выборов пошел, как полагается, зачеркнул свою кандидатуру в бюллетене, а остальные уже за меня проголосовали. Вот так с 1966 по 1982 год я был председателем сельсовета. Дважды меня выбирали в районный совет депутатом. Самое главное в моей работе было состояние дел в совхозе. Надои падают, а чем занят председатель сельсовета? Урожай плохой - опять на ковер вместе с директором совхоза. Вот и бегал, организовывал субботники, чтобы урожай собрать - сено, картофель, капуста. Привлекали школы, студентов, возили их в Каливере, в Кейкино. Территория до Выбье и Усть-Нарвы доходила.

А после выхода Николая Логиновича на пенсию бразды правления Куземкинской волостью принял его сын Николай Николаевич. Молодой специалист после учебы в Ленинграде, понимая важность сельского труда, вернулся в родную деревню. Примерно так писала о Николае Николаевиче в те годы районная газета.

- Вы рады были, что сын после вас стал руководителем?

- Честно говоря, хорошего мало. Всем угоди, всем поклоняйся, а все равно за что-нибудь взбучку от исполкома получишь. Да и сейчас, наверное, так же, только названия другие.

- А за советом сын часто прибегал?

- Сначала, конечно, советовался, а потом сам стал все понимать. Он у меня сообразительный, да и зря, что ли учился. Сейчас гораздо легче. Не надо отвечать за надои и урожай. Власть отдельно, сельское хозяйство отдельно. Если у меня редкое воскресенье был выходной, то он по выходным дома. Тебе, что, спрашиваю, ни куда не надо? Нет, говорит, у меня все сделано. У него сейчас самое главное отопление и социальная работа, а у нас тогда государство за это отвечало.

Николай Логинович, бережно хранит газетные вырезки с историческими сведениями о своем крае, помнит фамилии всех директоров совхоза, да и за событиями в поселении тоже внимательно следит, все-таки сын руководитель. Подозреваю, что по старой памяти отец с сына порой спрашивает строго, коль, что не так. Закалка есть закалка.

Д. Трофимов